

ЗНАКОМСТВО С ВЫМЫШЛЕННЫМ ОБЪЕКТОМ: СЕМАНТИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ И ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ПРАВИЛА*

Микиртумов Иван Борисович – доктор философских наук, доцент. Исследователь. Межрегиональная общественная организация «Русское общество истории и философии науки». Российская Федерация, 105062, г. Москва, Лялин пер., 1/36, стр. 2; e-mail: imikirtumov@gmail.com

В этой статье я пытаюсь ответить на вопрос о том, какие наиболее общие семантические и прагматические условия должны выполняться, чтобы употребление пустых в действительном мире термов *de re* в естественном языке было осмысленным. Для этого я затрагиваю взаимосвязь универсума возможного миров с наиболее общими представлениями об объектах, рассматриваю семантические и прагматические условия знакомства с вымышленным объектом, привлекаю анализ высказываний о вымышленных объектах. Я прихожу к следующим выводам. Во-первых, для интерпретации фиктивных имен, употребляемых в модусе имагинативного *de re*, наиболее удачными являются структуры возможных миров, образованные хронологически упорядоченными последовательностями миров (историями), среди которых так называемые лейбницевские истории отвечают некоторой «наивной» теории объекта. Она обеспечивает сводимость или несводимость историй друг к другу, а также распределение объектов по историям, в разной степени отдаленным от актуализированного мира. Это позволяет дать определение различным видам историй. Во-вторых, семантика термина при имагинативном *de re* должна оперировать психологическими состояниями агента, в частности некогнитивными. Они призваны удостоверить прозрачность истории и мира для знакомства в нем с вымышленным объектом. Такие состояния играют, однако, роль внешних данных. Это позволяет описать следующие прагматические предписания говорящему при употреблении термов в модусе имагинативного *de re*: *имагинативная ясность*, *прозрачность* и *удержание агентности*. В-третьих, сингулярные термы и в некоторых ситуациях индексные выражения в зависимости от контекста могут употребляться *de re* для обозначения как референта в актуальном мире, так и специфического знакового объекта, получающего название транспаренты. Этот объект актуального мира представляет собой знак вымышленного объекта в мире альтернативной истории. Его коммуникативное значение состоит в возможности описания дискурса развертывания такой истории. Прагматические правила сохраняются и тут: заданный транспарентой объект должен находиться по эту сторону порога прозрачности.

Ключевые слова: вымышленный объект, *de re*, воображение, возможный мир, некогнитивное состояние, прагматическое правило.

* Исследование выполнено при поддержке Российского Научного Фонда, проект № 21-18-00496 «Семантическая структура пропозициональных установок сознания».

ACQUAINTANCE WITH A FICTIONAL OBJECT: SEMANTIC CONDITIONS AND PRAGMATIC RULES

Ivan B. Mikirtumov –
DSc in Philosophy, Associate
Professor.
Researcher.
Interregional
Non-Governmental
Organization
“Russian Society for History
and Philosophy of Science”,
1\36 Lyalin Lane, bd. 2,
105062, Moscow,
Russian Federation;
e-mail: imikirtumov@
gmail.com

In this article, I try to consider the most general semantic and pragmatic conditions for the meaningfulness of using in the natural language empty terms *de re*. To do this, I touch upon the relationship of the universe of possible worlds with the most general ideas about objects, consider the semantic and pragmatic conditions for acquaintance with a fictional object, and draw on the analysis of statements about fictional objects. I come to the following conclusions. First, for the interpretation of fictitious names used in the mode of the imaginative *de re*, structures of possible worlds formed by chronologically ordered sequences of worlds (stories) are convenient, among which the so-called *Leibniz stories* correspond to some “naive” theory of the object. It ensures the reducibility or irreducibility of stories to each other, as well as the distribution of objects among stories that are, to varying degrees, distant from the actualized world. This allows you to define different kinds of stories. Secondly, the semantics of the term in imaginative *de re* must operate with the agent’s psychological states, in particular, non-cognitive ones. They are designed to certify the transparency of history and the world in order to get to know a fictional object in it. Such states, however, play the role of external data. This allows us to describe the following pragmatic rules of the use of terms in the mode of imaginative *de re*: imaginative clarity, transparency, and retention of agency. Thirdly, singular terms and, in some situations, index expressions, depending on the context, can be used *de re* to designate both a referent in the actual world and a specific sign object called *transparen-tia*. This actual world object is the token of a fictional object in the alternate history world. Its communicative significance lies in the possibility of describing the discourse of the unfolding of such a story. The pragmatic obligations of the speaker are preserved here too: the object given by the transparency must be located on this side of the transparency threshold.

Keywords: fictional object, *de re*, imagination, possible world, cognitive state, pragmatic rules

- Я вот о чем хотел спросить: ты сегодня видел где-нибудь Козявку?
- По-моему, нет, – сказал Пух. А потом, немного подумав, он сказал:
- А кто это такой – Козявка?
- Ну, там, один из моих Родственников и Знакомых, – небрежно ответил Кролик.
- Пуху это, по правде говоря, не очень помогло. Ведь у Кролика было так много Родственников и Знакомых – и таких разных сортов и размеров, – что Пух не представлял себе даже, где икать Козявку: на вершине дуба или среди лепестков лютика...
- Я сегодня никого не видел, – сказал Пух, – никого такого, кому можно сказать: «Привет, Козявка!»
- [Милн, 1990, с. 3]

Введение: условия данности вымысла

Именное выражение языка указывает на вымышленный объект, когда не имеет референта в мире придания значения выражению, в частности в действительном, но имеет референт в каком-то другом¹. Это связано с тем, что пропозиция несуществования имеет те же условия проверки, что и пропозиция существования. Прототипически именное выражение обозначает объект, который можно отнести к числу первых сущностей Аристотеля, т.е. такой, что с ним возможен непосредственный когнитивный контакт, или *знакомство*. Когда такой объект тем или иным образом дан, выражение употребляется *de re*, что является нормой для имен собственных («Наполеон»), демонстративов («вон то») и дескрипций, получающих уникальный референт в ситуации произнесения («человек у меня за спиной»). Такие выражения называются сингулярными терминами [Kaplan, 1968, p. 197], они имеют дейктическую природу [Бюлер, 1993, с. 127–129], и условием их употребления является прагматическое обязательство говорящего, которое состоит в том, что его знакомство с референтом прямо или косвенно состоялось, происходит актуально или представляется легко осуществимым. Пустоту же термина *de re* в действительном мире можно трактовать либо как нарушение этого обязательства, либо как помещение референта сингулярного термина в воображаемый возможный мир. Как в этом случае происходит знакомство и возможно ли оно вообще? Ниже этого вопрос будет обсуждаться в связи с семантическими и прагматическими условиями.

¹ Речь не идет о выражениях, подобных имени «Глыз», которые, имея вид имени, не используются в таком качестве, а потому также не имеют референта.

Знакомство агента с объектом происходит в ситуации, заданной в возможном мире координатами пространства, времени, агента, аспекта, фокуса внимания и пр., значения которых создают уникальный когнитивный эффект. Так возникает описанное еще Фреге *представление* – способ данности объекта [Фреге, 2000]. Представление формируется и переживается когнитивным агентом, который сам является одним из объектов онтологии, так что перемещение знакомства за пределы актуального мира означает помещение туда и двойника агента. Поскольку каждая ситуация в мире соотносена с его когнитивными характеристиками, можно спросить, на каких основаниях агент актуального мира может иметь знакомство с объектом альтернативного воображаемого мира, тем более через посредство своего воображаемого двойника. В литературе такой способ данности объекта получил название *имагинативного de re (de re^{imag})*². Ответ на этот вопрос обращает нас к агенту и его семантическим действиям. Пусть вымышленные объекты населяют альтернативные воображаемые реальности, без которых существование как таковое нельзя было бы конституировать. Оно обнаруживается все тем же знакомством, в ходе которого у агента возникает состояние сознания, удостоверяющее существование объекта в ситуации. Такое состояние сознания объективируется, и агент отдает себе отчет в том, что он переживает в связи с существованием или несуществованием чего бы то ни было. Следовательно, здесь агент представляет себе не столько сам вымышленный объект, сколько нахождение в состоянии, адекватном знакомству с ним в некоторой альтернативной реальности. Для разных типов объектов и агентов условия такого воображаемого знакомства будут различаться, общим же останется то, что несуществующее в одной реальности, будет существовать в другой, поскольку уверенные суждения о несуществовании основываются на хорошем знании условий констатации существования. Если употребление пустого сингулярного термина *de re* предполагает воображаемое знакомство, то говорящий берет на себя новое прагматическое обязательство, состоящее в том, что хотя знакомство только воображалось, у него возникло состояние, порождающее достаточный семантический и прагматический эффекты данности объекта *de re*, которые могут быть также отчасти сообщены другим.

В этой статье я попытаюсь ответить на вопрос о том, какие наиболее общие семантические и прагматические условия должны выполняться, чтобы употребление в естественном языке пустых в действительном мире термов *de re* было осмысленным. Для этого я опишу элементы теории миров, объектов и агентов, руководствуясь

² Идея восходит к прагматической теории фикций Уолтона и состоит в «предписании» или «мандате» «вообразить объект» в некотором контексте, которое несет с собой употребление фиктивного имени [Walton, 1990, p. 39].

тем, что (1) в основании теории возможных миров лежит теория объекта как первой сущности Аристотеля, (2) знакомство с вымышленным объектом есть результат воображения ситуации знакомства, (3) высказывания о вымышленных объектах, в зависимости от контекста, могут отсылать как к альтернативным мирам, так и, особым образом, к действительному миру.

Естественным средством интерпретации когнитивных состояний агентов кажется семантика суждений о фикциях, оперирующая когнитивными состояниями агентов, т.е. психологистическая. Ее варианты предложены в работах [Kamp, 2015; Maier, 2017]. Ниже я буду использовать категории семантики возможных миров, привлекая при этом прагматические компоненты значения. Психологические состояния агентов являются здесь внешними данными – контекстуальными параметрами интерпретации, которые останутся в стороне. Я буду исходить из каузальной теории референции [Kripke, 1979] и использовать принцип привязки *de re* термина к объекту в возможном мире [Kamp, 1990; Ranta, 1994; Recanaty, 2012], которая как семантический факт возникает вследствие принятия импликатур – обязательств по его использованию [Geurts, 1997; Maier, 2017, p. 28]. Такая привязка может вести к дискурсивному референту, образующему хронологическую последовательность миров, к которой принадлежит действительный мир, но также, косвенным образом, и к миру воображаемому [Maier, 2017]. Последнее не является, однако, более общим случаем, поскольку *de re^{imag}* предполагает в конечном счете актуальное знакомство с возможным актом знакомства. Состоявшаяся недавно на страницах этого журнала дискуссия об интерпретации высказываний ненадежного рассказчика³, в том числе о значении термов *de re* при визуальной репрезентации, актуализировала вопрос о доступности для знакомства объектов альтернативных реальностей и об их совмещении. Это уводит от психологической семантики еще дальше, а именно к анализу отношения именованного, с одной стороны, и к анализу соотношения свойств возможных миров и их объектов – с другой. Замечу, что, помещая в фокус разговора о вымышленном объекте его возможную данность *de re^{imag}*, я принимаю иное направление, нежели известная концепция Крипке, в которой вымышленные объекты составляют особый тип объектов [Kripke, 2011].

План статьи таков. В разделе 1 я представлю аргументы в пользу того, что когнитивно значимая структура возможных миров основывается на универсальной логико-прагматической теории объекта, и дифференцирую лейбницевские и нелейбницевские последовательности миров (истории). Здесь же дается общее описание универ-

³ Эпистемология и философия науки. 2022. Т. 59. № 2. В дискуссии обсуждалась статья [Maier, 2022].

сума таких последовательностей. В разделе 2 рассматриваются семантические условия знакомства с вымышленными объектами. Раздел 3 посвящен анализу некоторых лингвистических фактов, которые обнаруживаются «парадоксом фиктивных имен». Наконец, в разделе 4 затрагивается удержание агентности как условие имагинативного *de re* и уточняются прагматические обязательства употребления имен вымышленных объектов.

Наивная теория объекта и лейбницеvские истории

Теория объекта, востребованная логической семантикой и прагматикой естественного языка, начиная с «Категорий» Аристотеля, воплощает картину мира, наивную как по отношению к науке, так и по отношению к метафизике. Перед ней не стоит задача исследования природы вещей и причин явлений, эта теория объекта призвана обеспечить языковую коммуникацию, а потому ее элементами становятся не концептуализации сущностей, а метафоры сенсомоторных состояний и элементарных действий [Лакофф, Джонсон, 2008], отраженных грамматикой языка [Бенвенист, 1974]. Первые сущности Аристотеля материальны в том смысле, что они рядоположены человеческому телу, могут восприниматься органами чувств и вступать с ним во взаимодействия практического характера. Первая сущность должна быть человекообразна во времени и пространстве, она не может существовать слишком кратко или разворачиваться в своем существовании слишком долго. Пространственно первая сущность не может прерываться так, чтобы привычное нам оперирование предметами затрагивало одну ее часть, не затрагивая другие. Иными словами, объектом становится то, с чем мы можем познакомиться непосредственно⁴, и в этом отношении бытие объектом есть метафора последовательностей наших когнитивных и некогнитивных состояний. Хотя метафизика и наука ведут от феноменов к ноуменам, семантика и прагматика языка от этого уклоняются и имеют дело не с объектами, какими они предстают в теории, а с феноменами, имеющими модус объектности в восприятии и практике.

В основополагающей концепции Лейбница миры представляют собой логически возможные, т.е. непротиворечиво мыслимые, варианты материальной реализации универсума, из которых действительно реализован лишь один [Лейбниц, 1989, с. 135–136]. Материальные тела у Лейбница пребывают в «развертывании и свертывании»,

⁴ Здесь «объект» не является синонимом «предмета». Последним является все, о чем можно делать утверждения или отрицания.

субстратом же их служат бесконечно делимые «семена» [Лейбниц, 1982, с. 407–408]. Витгенштейн в «Трактате», говоря об объектах, оставляет на волю случая то, что именно окажется объектом, когда использует метафору сети, набрасываемой на мир [Витгенштейн, 2017, с. 202]. Здесь логическая картина мира может быть построена из фактов, компонентами которых являются, например, объекты мифов, верований, сказок, вымысла и пр., а соответствующая теория будет содержать предикаты, к этим объектам относящиеся, но пустые или вовсе неприменимые в отношении объектов действительных.

Различие двух концепций затрагивает метафизическую модель объекта, но объектом в обоих случаях оказывается то, что в какой-либо конкретной ситуации может стать референтом термина *de re*, что может возникнуть в одном мире, существовать, изменяя свои свойства и оставаясь «теми же самими», в нескольких мирах и однажды перестать существовать.

Познавательная ценность структур возможных миров как инструмента интерпретации состоит в их способности описывать варианты прошлого и будущего, контрфактическое настоящее, пропозициональные установки агентов и пр. Во всех этих случаях нас интересует связь между миром актуальным и мирами в том или ином смысле альтернативными, включая и отношения между наборами объектов: что было, что будет или что могло бы быть с нами самими или с иными интересующими нас объектами? Самый очевидный случай – изменение свойств: простудился бы я, если бы не упал в холодную воду, поправлюсь ли я, если буду пить чай с малиной, пошла бы она мне на пользу, если бы моя температура была выше? А также: упал бы я в холодную воду, в ручей, если бы здесь не было ручья, простудился бы я, если бы был хоббитом, помогла бы мне малина, если бы я был инопланетянином, и помогла бы она, если меня не было вовсе, а на моем месте был робот – репликант? Если меня интересуют именно мои состояния в других мирах, то, очевидно, я сам и ряд других объектов со всеми их свойствами должны переходить из мира в мир, тогда как миры, в которых меня нет вовсе, в этом случае не интересны. Мы готовы искать причины роста растения, если предполагаем, что от миру к миру имеем дело с тем же самым растением, и мы готовы размышлять о том, что было бы с нами сейчас, если бы несколько лет назад не разразилась эпидемия, если имеем в виду те же объекты в тех же обстоятельствах «минус» эпидемия. В предельном случае мир, в котором нет ни одного объекта из реального мира, а все объекты другие, может быть интересен лишь в связи с вопросом о необходимых законах, но не со стороны судьбы какого-то из действительных объектов.

Таким образом, когда мы мыслим возможный мир как непротиворечивый набор фактов, то именно факты определяют набор и свойства объектов, отталкиваясь же от логико-семантической теории

объектов, мыслимых всегда в ситуации и изменяющихся всегда определенным образом, мы задаем упорядоченные во времени последовательности миров, отражающих эти изменения. Факт предполагает свои объекты логически, он мыслится с ними *de dicto*, тогда как сам объект может быть дан *de re*, наряду с мыслимым фактом.

Не будучи до конца ни логической, ни физической, теория объекта отражает самые общие семантические условия интерпретации выражений языка, употребляемых *de re*, и задает правила их употребления, т.е. их прагматику⁵. Поэтому некоторые последовательности состояний мира, или *истории*, мы не считаем возможными в силу неприемлемого «поведения» объектов. Они не должны, например, возникать из ниоткуда и исчезать в никуда, не должны менять свойства, по которым мы их идентифицируем, и не должны приобретать или терять свойства, им не подобающие. Не всякая последовательность миров составляет, таким образом, историю. Наивной теорией объекта мы в наибольшей степени обязаны Лейбницу, поэтому я буду называть *лейбницеvской* такую хронологически упорядоченную последовательность миров, или историю, в которой от мира к миру происходит возникновение, преобразование и уничтожение объектов как агрегатов элементарных, неизменных по форме и неуничтожимых телесных монад. Бог идентифицирует и обозначает каждую из них уникальным образом *de re*, что задает каркас кросс-идентификации для более сложных объектов. История материального мира представляет собой пространственную перекомпоновку этих элементов, каждый шаг которой подчиняется законам их сочетаемости и несочетаемости. В некотором состоянии мира в будущем простираются возможные лейбницеvские и *нелейбницеvские* истории этого мира. Первые получены путем перекомпоновок, адекватных законам элементов, вторые произвольны. В пределе здесь появляется история, в которой никакие два перехода от мира к миру не дают основания для обобщения, так что в ней нельзя обнаружить никакой закономерности. Другим вариантом отклонения от нормы является изменение состава элементов от мира к миру – одни появляются из ниоткуда, другие исчезают в никуда. Такие истории редко бывают нам интересны, и вся структура миров возникает ради историй лейбницеvских, т.е. выполняющих условия, налагаемые наивной теорией объекта.

Действительный мир возникает в истории изменений некоторого набора элементов, и эту историю (последовательность миров) будем называть *актуализированной*. Относительно лейбницеvских историй

⁵ Я не обсуждаю другие логико-семантические теории объекта, во-первых, за недостатком места, во-вторых, в силу того, что выбор между объектом и фактом как началом семантики делается в каждой их них, а для моих целей достаточно просто указать аристотелевскую и витгенштейновскую линии.

имеет место следующее: никакие истории, заданные разными наборами элементов, не могут иметь общих миров, и любые две такие истории будем называть *параллельными*. В двух параллельных историях могут находиться льюисовские *двойники* – такие, что у них имеется набор некоторых общих признаков, служащих основанием для *идентификации*, но, в отличие от идентификации в последовательности, такие двойники не являются прошлым или будущим состоянием друг друга.

Две истории, имеющие в некотором мире общее начало, т.е. расходящиеся в нем, назовем *родственными*. В родственных историях могут быть двойники, но также и родственные объекты, являющиеся результатами трансформации (*потомками*) одного объекта из мира расщепления (*предка*). Вымышленными объектами, или фикциями, являются для нас все объекты из параллельных и родственных лейбницеваых историй, но не обязательно все объекты из историй нелейбницеваых. Последние могут содержать такие трансформации объектов и положений дел, которые мы считаем несовместимыми ни с представлениями об общих свойствах объектов, ни с нашими знаниями о вещах. Но именно поэтому они могут пересекаться с актуализированной историей и случайным образом иметь общие с ней объекты.

Знакомство, порождающее имагинативное *de re*

Как происходит знакомство с объектами миров, относящихся к параллельным и родственным историям? Последние даны нам посредством конструирования и воображения, поскольку вымышленные объекты всегда задаются вместе с историей – лейбницеваой или нет. Сам объект не обязательно находится в фокусе такого конструирования. Иногда нас интересует, как будут выглядеть объекты при определенных условиях, например как изменятся насекомые при глобальном потеплении, иногда же, наоборот, мы начинаем с объекта с желаемыми свойствами, например воображая единорога или карманный вечный двигатель и размышляя о том, какими свойствами должен обладать мир, в котором такие объекты существуют. В любом случае мы начинаем с фрагмента мира, в котором реализован объект или условия, а затем достраиваем прочие обстоятельства, предполагая, что этот мир возможен в том или ином смысле. А именно, он может принадлежать к актуализированной последовательности, т.е. быть нашим прошлым, будущим или неисследованным еще настоящим, к параллельной или родственной лейбницеваой последовательности или же, наконец, к нелейбницеваой. Ответ на вопрос о принадлежности такого мира – это существенная часть познавательной задачи, ради которой употребляются *de re* пустые имена.

Продуктивный прием состоит в модификации актуальной последовательности или ее фрагмента в контрфактическую. Следуя стандартным определениям, контрфактический мир – это мир, который интерпретирует суждение «если бы имело место *p*, то было бы *q*» и в некотором специально уточняемом смысле «минимально» отличен от данного [Lewis, 1973, p. 96f.]. В нашем случае такой мир порождается выражением, предполагающим модус *de re* для объекта параллельной истории: «если бы рядом со мной сейчас стоял Фродо» или «если бы я попал в компанию Фродо и Сэма». Происходящее в этом случае с историей можно назвать ее *гибридизацией*. Она требует адаптации к новому объекту всей истории, что затрагивает также и расщепления, так что какие-то прежде родственные истории становятся параллельными, и, наоборот, возможно также нелейбницевское начало лейбницевской во всем остальном истории.

Для знакомства с объектом в альтернативной истории и порождения термина *de re^{mag}* сама процедура знакомства должна быть объективирована. Знакомство удостоверяется достижением агентом некоторого психического состояния, испытав которое он ведет себя так, как будто объект был дан ему *de re*, что бы мы ни имели в виду под такого рода поведением в различных ситуациях. Например, когда я снимаю с полки книгу и даю ее коллеге со словами «вот эта книга», я говорю и действую так, как будто она дана мне *de re*, а когда я делаю ставку на тотализаторе, я действую так, как будто конкретная лошадь и конкретный заезд также даны мне в известном смысле непосредственно.

Форма знакомства как когнитивной операции дана мне как результат обобщения моих состояний, и в случае фикции эта форма оказывается ненасыщенной [Recanati, 2012], поскольку пока вымышленный объект дан мне *de dicto*. Но прагматика интерпретируемого высказывания заставляет меня насыщать эту форму воображаемым содержанием, в результате чего я создаю специфический объект внутреннего опыта – воображаемое знакомство, в котором объект знакомства существует постольку, поскольку воображается. К примеру, я размышлял о единорогах, отталкиваясь от легенд и преданий, а затем пытаюсь вообразить знакомство с конкретным единорогом. Все, что я могу знать о единорогах без знакомства, дано *de dicto*, а сила воображения нужна мне для замещения отсутствующего *de re*, чтобы на месте воспринимаемых черт конкретного единорога, явление которых сопровождалось бы переживанием актуального восприятия в ситуации, появилась бы имитация такого состояния. В ней более определенными окажутся некогнитивные состояния переживания актуальности знакомства, которые я хорошо знаю по другим своим восприятиям и легко могу репродуцировать, и менее определенными – восприятия самого воображаемого объекта, который я неизбежно помещу в воображаемую же ситуацию.

Степени специфичности объекта простираются от собственно *de re* до *de dicto*, и *de re^{imag}* резервируется для объектов, которые менее специфичны, чем обычное неспецифическое *de re*⁶. Могу ли я вообразить состояние знакомства с объектом, если в силу другой физической природы воображаемый мир знакомства с ним будет столь сильно отличаться от данного, что знакомство с объектом будет вызывать у меня совсем другие состояния, нежели знакомые мне теперь? Если имажинативное *de re* состоит в воображении знакомства с объектом и удостоверяется соответствующим некогнитивным состоянием, то сам агент, будучи одним из объектов истории, должен оставаться «тем же самым» в своих когнитивных способностях. Следовательно, прагматика употребления сингулярных термов в модусе *de re^{imag}* состоит не только в обязательстве предполагать описанные выше общие условия интерпретации терма, но и по обеспечению идентификации между историями агентности говорящего⁷. Ее условия различны для историй, находящихся в отношении (1) параллелизма и (2) родственности, дополнительными факторами различения становятся (3) лейбницевы или (4) нелейбницевы характер истории, а также (5) гибридизация.

Распределение тех или иных объектов по видам историй можно представить в виде таблицы, ячейки которой соответствуют отношению истории к актуализированной. Чисто нелейбницевы истории оставляю в стороне как малоинтересные, курсивом выделены объекты, появление которых порождает новое качество истории, гибридные истории возникают из негибридизированных:

Таблица 1. Виды историй по отношению к актуализированной и примеры объектов

	Родственные		Параллельные	
	Негибр.	Гибрид.	Негибр.	Гибрид.
Лейбницевы	I. <i>Наполеон</i> в романе Толстого	II. <i>Элен Безухова</i> в романе Толстого	III. Экземпляр вечного двигателя	IV. <i>Элен Безухова</i> покупает экземпляр вечного двигателя
Нелейбницевы ответвления	V. Наполеону является <i>волшебный меч</i>	VI. <i>Элен Безухова</i> похищает волшебный меч Наполеона	VII. Волшебный меч Фродо превращается <i>селфи-палку</i>	VIII. <i>Элен Безухова</i> похищает у Фродо селфи-палку

⁶ Случай, когда я воображаю знакомство с каким-то прежде не встречавшимся мне объектом, который, однако, относится к известному мне виду объектов. О неспецифическом *de re* см.: [Schwager, 2011].

⁷ Последнюю можно определить как социокультурно опосредованную способность к действию, в том числе когнитивному и речевому [Ahern, 2001, p. 110].

Употребление термина *de re^{imag}*, в каждом из восьми случаев влечет обязательство говорящего, состоящее из двух частей: во-первых, во-ображаемое знакомство имело место, во-вторых, при этом говорящий оставался «самим собой» и «тем же самым». Если это так, то, доверяя добросовестности говорящего, слушатель припишет ему установку, которую можно выразить так: говорящий находится в состоянии, в котором некоторое положение дел, компонентом которого является вымышленный объект, кажется ему хорошо представимым и идентифицируемым от истории к истории, чтобы в этом качестве быть предметом коммуникации. Состояние это является *некогнитивным* – здесь нет знания, но формируется готовность развернуть дискурс, в котором именуется вымышленный объект.

Альтернативные истории будут тогда населены двойниками говорящего, причем характер двойничества, очевидно, определяется «дистанцией» между историями. В случае родственности я имею дело со своим двойником, с которым мы сохраняем общим ряд свойств, позволяющий как связать нас двойничеством в смысле Льюиса, т.е. объективно, так и сделать нас эпистемически узнаваемыми в качестве вариантов друг друга – субъективно. Это значит, что то, что я мыслил для себя как возможное, я обнаружу в двойнике как действительное, и наоборот. Гибридизация истории этого не изменит. Так, я не удивлюсь, например, что Элен Безухова окажется не литературным, а историческим лицом, и не удивлюсь самой Элен Безуховой, поскольку по роману знаком с ней *de re^{imag}*.

Фиктивные имена и транспаренты

Обратимся к обсуждаемому в литературе парадоксу фикций [Radford, 1975]. В высказываниях

- (1) Фродо – отважный хоббит из Шира
- (2) Фродо – персонаж романа Толкиена

употребление «Фродо» в (1) имеет характер *de re^{imag}*, его референт находится в параллельной истории. Но для «метафизического» выражения (2) это не так, поскольку в реальности романа у Фродо нет свойства «быть персонажем романа», а отношение «быть персонажем» связывает два термина *de re*, имеющие референтов в действительном мире – роман Толкиена, с одной стороны, и его персонаж, именуемый «Фродо», – с другой. При этом «быть персонажем» означает быть вымышленным объектом, т.е. не существовать в действительности⁸. Это

⁸ Существование в качестве абстрактного объекта – это одна из версий интерпретации «Фродо» в (2); см.: [Kripke, 2011].

верно и для персонажей, имеющих реальные прототипы, например для Наполеона в романе Толстого. Имя «Фродо» не обозначает в (2) Фродо из реальности романа *de re*, хотя обозначение *de dicto* будет соответствовать надежной традиции оперирования всеми возможными (абстрактными) объектами [Монтегю, 1981]. В этом случае в (2) говорится просто о том, к какой из реальностей принадлежит возможный объект, заданный жестким десигнатором «Фродо». Этот объект присутствует в бесконечном числе историй, и все его варианты представлены во множестве возможных объектов⁹. При этом теряется *de re*, поскольку мы не можем извлечь объект из мира истории и превратить его в сущность, которой приписывают свойства, подобные существованию или несуществованию. Для этого объект нужно было бы заменить дескрипцией. В самом деле, можно ли сказать:

(3) Фродо не существует,

без того, чтобы не представлять себе условия удостоверения его существования? Я полагаю, что это не так, если только «Фродо» не выражает дескрипцию, так что (3) читается следующим образом: «предикат, образованный совокупностью всех свойств Фродо, описанных в романе Толкиена, имеет пустой объем». Но мы исследуем случай употребления имени «Фродо» *de re*, и смысл (3) сводится к тому, что говорящий не переживал состояния, которое удостоверено бы когнитивный контакт с каким-либо объектом, который носил бы имя «Фродо» и обладал бы свойствами Фродо из реальности романа Толкиена. Говорящий может быть уверен в этом только тогда, когда может вообразить противоположное состояние. Важно, что при этом не требуется непосредственно воспринимать Фродо, т.е. реальность, в которой Фродо доступен для знакомства, предполагается как альтернативная на основании воображаемого внутреннего опыта, данного как акт сознания *de re*.

В высказывании

(4) В романе Толкиена Фродо – отважный хоббит из Шира

информация контекста, опущенная в (1), артикулирована, и референт «Фродо» явно помещается в онтологию романа, т.е. в параллельную историю. В роли оператора, изменяющего мир интерпретации фразы «Фродо – отважный хоббит из Шира» с действительного мира

⁹ Принимая универсум возможных объектов, мы получаем все объекты во всех их возможных состояниях, так что, например, Наполеон представлен бесконечным набором своих реализаций в возможных мирах актуализированной последовательности, а также всех альтернативных последовательностей. Ответ на вопрос, является ли такой-то объект вариантом Наполеона или это уже не Наполеон, дается исходя из предположения о наборе признаков, необходимых для идентификации Наполеона. Эта теория не эссенциалистская, но все объекты даны *de dicto*.

на мир романа, выступает фраза «в романе». На ее месте могли бы оказаться фразы «в рассказе», «в мифологическом сказании», «в истории», «в народных преданиях» и т.п., т.е. любые индикаторы дискурса, который нужно интерпретировать в обособленной реальности. В (2) «персонаж» работает как функция, превращающая «роман» в оператор, который меняет мир интерпретации с мира романа на действительный мир и одновременно меняет контекстуальные параметры значений выражений «Фродо» и «быть персонажем романа Толкиена».

«Фродо» обозначает здесь имя – знаковый объект, а свойство «быть персонажем» следует интерпретировать как свойство имени принадлежать списку имен, обозначающих объекты, предполагаемые дискурсом описания родственной или параллельной истории. Таким образом, имя «Фродо», употребленное *de re* в контексте описания дискурса, обозначает элемент этого дискурса. Интересно, что в этом случае совпадение имени персонажа в повествовании с именем персонажа в описании дискурса повествования удобно, но не необходимо. Например, в театральная мастерской персонажей могут называть по номерам вешалок:

(5) № 121 – это персонаж романа Толкиена.

В обычной языковой практике эквивокация имени вымышленного объекта и самого этого объекта становится употребительной, когда реальность вымысла и ее объекты приобретают характер «нарицательных», т.е. они общеизвестны, им придаются некоторый устойчивый смысл и эстетическая определенность. Богов, героев, персонажей мифов, литературных произведений, изображений и фильмов, а также связанные с ними объекты мы надежно именуем *de re* без уточнения контекста, если предполагаем его общеизвестным¹⁰. Это *de re*, однако, относится не к референту имени в реальности вымысла, а к особому виду объектов, которые можно назвать *транспарентами*¹¹. Это знаковые образования действительного мира, именующие объекты историй, отличных от актуализированной.

Пусть теперь я читаю роман Толстого, и полагаю, что все, что там написано, есть вымысел. Тогда фразы

(6) Наполеон – персонаж романа Толстого

¹⁰ Когнитивный эффект *de re^{imag}* состоит, по-видимому, в именовании несуществующего как существующего и в затруднении, которое в некоторых ситуациях может из-за этого возникнуть у слушателя. Тем самым заостряется различие между тем, что есть, и тем, чего нет. О коммуникативной значимости использования фикций см.: [Perry, 2001, p. 161–163; Salis, 2013].

¹¹ Термин я заимствую из так называемой транспарентной интенциональной логики Павла Тихого, в которой движение от знака к денотату идет не через смысл, а сначала через когнитивное конструирование [Tichý, 1988].

(7) Элен Безухова – персонаж романа Толстого

интерпретируются мною одинаково, и оба имени в актуализированной истории суть транспаренты. Когда я узнаю, что сам Наполеон принадлежит к актуализированной истории, и верно, например, суждение

(8) Наполеон родился на Корсике,

результаты интерпретации будут иными. «Наполеон» в (8) отсылает к объекту актуализированной истории как терм *de re*, а в (7) «Наполеон» – это транспарента, обозначающая знак, отсылающий к объекту родственной истории, т.е. к вымышленному Наполеону романа.

Быть транспарентой – это более общий случай, поэтому, сталкиваясь с любым сингулярным термом в нулевом контексте, следует видеть в нем транспаренту, т.е. основание для поиска референта имени в различных последовательностях миров¹². Имя, имеющее референт в актуализированной истории, остается транспарентой по отношению к альтернативным историям. Сингулярный терм при этом не становится двусмысленным, просто выбор истории, в которой локализован его референт, определяется параметром контекста, значение которого задается ситуацией произнесения, целью говорящего и пр.

Удержание агентности

Итак, сингулярный терм в контексте описания дискурса обозначает *de re* свой скрипт или токен как транспаренту объектов, данных *de re^{imag}* в параллельных историях. К числу таких термов относится и индексное «я», которое входит в формулировку прагматического обязательства по использованию *de re^{imag}*, так что, сообщая (1), я имею в виду следующее: существует параллельная история, в чьих мирах находится референт имени «Фродо», употребляемого в актуальном мире как транспарента, с которым мой двойник, обозначенный моим именем как транспарентой, мог бы осуществить знакомство.

Коль скоро всякое *de re^{imag}* должно опираться на *de re*, т.е. иметь «привязку», подобно любому употреблению сингулярного термина, в действительном мире должны быть привилегированные объекты, обеспечивающие привязку в мирах альтернативных. Камп использует здесь «замещающую» привязку, роль которой играет физически существующий текст или же его автор [Камп, 2015, р. 307]. Если контекст вымысла не задан, то автором становится интерпретатор, что накладывает на него следующее прагматическое обязательство:

¹² Здесь транспарента сближается в понятием «генератора концепта»; см.: [Percus, Sauerland, 2003].

de re^{imag} простирается до тех пор, пока сохраняется агентность. Оценить, насколько это так, становится тогда отдельной задачей, решать которую приходится ради добросовестности коммуникации. Но едва ли мы в коммуникации решаем эту задачу, отталкиваясь от верифицируемых данных. Скорее, мы опираемся здесь на некогнитивные состояния, в которые приходим в результате работы воображения, или же на состояния автора – говорящего.

Пусть указан автор и вымышленные персонажи, находящиеся в мирах параллельной гибридизированной истории, именуется *de re^{imag}*. При этом следствия совмещения положений дел и черт персонажей вымысла таковы, что агентность в этой истории затруднена или невозможна, т.е. миры этой истории для когнитивного агента, подобного нам, *непрозрачны*. Автор же об этом не знает, так что все его отчеты о знакомствах с вымышленными объектами сами являются вымыслом, и миры доступны только *de dicto*. Для спасения *de re^{imag}* отменим все ранее принятые положения дел и в качестве исходного факта, вокруг которого будет строиться возможный мир, предположим, что некогнитивно нам дано знакомство с сохранением агентности. Будем теперь восстанавливать совместимые с этим положения дел так, чтобы, согласно стандартным условиям контрфактического, новый возникающий мир наименее отличался от исходного. Полученные мир и связанная с ним история – это *прозрачная* версия исходной. Для каждого гибридизирующего историю объекта требуются тогда особые модификации мира, обеспечивающие его прозрачность. Совмещение нескольких взятых из разных историй объектов, при котором они останутся в модусе *de re^{imag}*, представляет собой продвижение от одной версии истории к другой, и может случиться, что в какой-то момент дальнейшие адаптации сделают историю непрозрачной. Здесь возникает порог прозрачности, или знакомства, за которым теряется *de re^{imag}* и возникает *de dicto*.

Вынесенная в эпиграф цитата иллюстрирует связь говорящего с референтом термина *de re^{imag}*. Винни-Пух может воображать Козявку неспецифически в тех или иных ситуациях, но сказать: «Привет, Козявка!» он может либо в действительном мире, встретив Козявку, либо в мире альтернативной истории, в котором такая встреча им воображается. Прозрачность последней – условие коммуникативной адекватности ответа Пуха Кролику. Имагинативное *de re*, таким образом, связано не только с «предписанием вообразить» объект, но и с предписанием вообразить говорящего в ситуации знакомства с объектом по эту сторону порога прозрачности.

Заключение

Общие условия осмысленности имагинативного *de re* и прагматические правила его употребления сводятся к следующему.

1. Семантика *de re^{imag}* задается на лейбницевских последовательностях, реализующих некоторую «наивную» теорию объекта. Она обеспечивает интуитивно приемлемую картину сводимости или несводимости историй друг к другу, а также распределение объектов по историям, в разной степени отдаленных от актуализированного мира. Это позволяет охарактеризовать параллельные и родственные истории, а также гибридные, т.е. порожденные перемещением объектов из одной истории в другую.

2. Знакомство с объектом *de re^{imag}* есть знакомство со знакомством, что требует привлечения некогнитивных состояний. Такие состояния играют, однако, роль внешних данных, они не вытекают из положений дел или установок и проявляют лишь себя в поведении говорящего. Последнее при употреблении термов *de re^{imag}* сопровождается прагматическими требованиями *имагинативной ясности*, *прозрачности* и *агентности*. Первое означает, что имя используется *de re^{imag}* при доступности для воображения говорящего ситуации знакомства с референтом этого имени в альтернативной истории. Второе требует, чтобы при гибридизации объекты, данные *de re^{imag}*, трансформировались в пределах порога прозрачности. Третье состоит в том, что говорящий распространяет *de re^{imag}* в пределах историй, в которых он может удерживать свою агентность.

3. Сингулярные термы и в некоторых ситуациях индексные выражения в зависимости от контекста могут употребляться *de re* для обозначения, во-первых, референта в актуальном мире и, во-вторых, для обозначения транспаренты – объекта знаковой природы актуального мира, именуемого объект альтернативной истории в описании ее дискурса. Такой объект находится по эту сторону порога прозрачности.

Список литературы

- Бенвенист, 1974 – Бенвенист Э. Категории мысли и категории языка // Общ. лингвистика. М., 1974. С. 104–114.
- Бюлер, 1993 – Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка. Пер. с нем. Общ. ред. и коммент. Т.В. Бульгиной. М.: Прогресс, 1993. 501 с.
- Витгенштейн, 2017 – Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / Пер. И.С. Добронравова и Д.Г. Лахути. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2017. 288 с.
- Лакофф, Джонсон, 2004 – Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / Пер. с англ. под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.

Лейбниц, 1982 – Лейбниц Г.В. Начала природы и благодати, основанные на разуме. Пер. Н.А. Иванцова // Сочинения: в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1982. С. 404–412.

Лейбниц, 1989 – Лейбниц Г.В. Опыты теодицеи о благодати Божией, свободе человека и начале зла / Пер. с фр. Ф.А. Смирнова // Сочинения: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1989. 554 с.

Милн, 1990 – Милн А.А. Новая история, в которой огрызуются поиски, а Пятачок опять чуть-чуть не встретил Слонопотама / Пер. с англ. Б. Заходера // Трамвай. 1990. № 2. С. 2–8.

Монтегю, 1981 – Монтегю Р. Прагматика и интенциональная логика // Семантика модальных и интенциональных логик / Пер. с англ. под ред. В.А. Смирнова. М., 1981. С. 223–253.

Фреге, 2000 – Фреге Г. О смысле и значении // Логика и логическая семантика: Сборник трудов / Пер. с нем. Б.В. Бирюкова, под ред. З.А. Кузичевой. М.: Аспект-Пресс, 2000. С. 230–246.

References

Ahern, 2001 – Ahern, L., “Language and Agency”, *Annual Review of Anthropology*, 2001, vol. 30, pp. 109–137.

Benveniste, E. “Kategorii mysli i kategorii yazyka” [Categories of Thought and Categories of Language] in: *Obshchaya lingvistika* [General Linguistics]. Moscow, 1974, pp. 104–114. (In Russian)

Bühler, K. *Teoriya yazyka. Rerezentativnaya funktsiya yazyka* [Theory of Language. The Representative Function of Language], trans. ed. by T.V. Bulygina. Moscow: Progress, 1993, 501 pp. (Trans. into Russian)

Frege, G. “O smysle i znachenii” [About Sense and Denotation] trans. by B.V. Biryukov, in: Z.A. Kuzicheva (ed.) *Logika i logicheskaya semantika: Sbornik trudov* [Logic and Logical Semantics: Collected Works], Moscow: Aspekt-Press, 2000, pp. 230–246. (In Russian)

Geurts, 1997 – Geurts, B. “Good News about the Description Theory of Names”, *Journal of Semantics*, 1997, vol. 14, no. 4, pp. 319–348.

Kamp, 1990 – Kamp, H. “Prolegomena to a Structural Account of Belief and Other Attitudes”, in: A. Anderson, J. Owens (eds.), *Propositional Attitudes: The Role of Content in Logic, Language, and Mind*. Stanford: CSLI, 1990, pp. 27–90.

Kamp, 2015 – Kamp, H. “Using Proper Names as Intermediaries between Labelled Entity Representations”, *Erkenntnis*, 2015, vol. 80, no. 2, pp. 263–312.

Kaplan, 1968 – Kaplan, D. “Quantifying in”, *Synthese*, 1968, vol. 19, no. 1–2, pp. 178–214.

Kripke, 1979 – Kripke, S. “A Puzzle about Belief”, in: A. Margalit (ed.) *Meaning and Use* (Synthese Language Library), vol. 3, Dordrecht: Reidel, 1979, pp. 239–283.

Kripke, 2011 – Kripke, S. “Vacuous Names and Fictional Antities”, in: *Philosophical Troubles*. Oxford: Oxford University Press, 2011, pp. 52–74.

Lakoff, J., Johnson, M. *Metafora, kotorymi my zhivem* [Metaphors We Live By], trans. ed. by A.N. Baranova. Moscow: Editorial URSS, 2004, 256 pp. (Trans. into Russian)

Leibniz, G.W. “Opyty teoditsei o blagosti Bozhiei, svobode cheloveka i nachale zla” [Essays of Theodicy on the Goodness of God, the Freedom of Man and the Origin of Evil], trans. by F.A. Smirnov, in: *Sochineniya v chetyrekh tomakh* [Works in 4 Vols.], vol. 4, Moscow: Mysl', 1989, 554 pp. (Trans. into Russian)

Leibniz, G.W. “Nachala prirody i blagodati, osnovannye na razume” [Principles of Nature and Grace, Founded on Reason], trans. by N.A. Ivanzov, in: *Sochineniya v chetyrekh tomakh* [Works in 4 Vols.], vol. 1. Moscow: Mysl', 1982, pp. 404–412. (Trans. into Russian)

Lewis, 1973 – Lewis, D. *Counterfactuals*. Oxford, 1973, 163 pp.

Maier, 2017 – Maier, E. “Fictional Names in Psychologicistic Semantics”, *Theoretical Linguistics*, 2017, vol. 43, no. 1–2, pp. 1–45.

Maier, 2022 – Maier, E. “Unreliability and Point of View in Filmic Narration”, *Epistemology & Philosophy of Science*, 2022, vol. 59, no. 2, pp. 23–37.

Miln, A.A. “Novaya istoriya, v kotoroi ogryzuyutsya poiski, a Pyatachok opyat' chut'-chut' ne vstretil Slonopotama” [New story in which a Search Is Organized, and Piglet Nearly Meets the Heffalump Again], trans. by B. Zakhoder, *Tramvai – Tram*, 1990, no. 2, pp. 2–8. (Trans. into Russian)

Montague, R. “Pragmatika i intensional'naya logika” [Pragmatics and Intensional Logic] in: *Semantika modal'nykh i intensional'nykh logic* [Semantics of Modal and Intensional Logic], trans. and ed. by V.A. Smirnov. Moscow, 1981, pp. 223–253. (Trans. into Russian)

Percus and Sauerland, 2003 – Percus, O., Sauerland, U. “On the LFs of Attitude Reports”, *Proceedings of Sinn und Bedeutung*, 2003, vol. 7, pp. 228–242.

Perry, 2001 – Perry, J. *Reference and Reflexivity*. Stanford: CSLI, 2001, 208 pp.

Radford, 1975 – Radford, C. “How Can We Be Moved by the Fate of Anna Karenina?”, *Proceedings of the Aristotelian Society*, 1975, vol. 49, pp. 67–93.

Ranta, 1994 – Ranta, A. *Type Theoretical Grammar*. Oxford University Press, 1994, 226 pp.

Recanati, 2012 – Recanati, F. *Mental Files*. Oxford University Press, 2012, 280 pp.

Salis, 2013 – Salis, F. “Fictional Names and the Problem of Intersubjective Identification”, *Dialectica*, 2013, vol. 67, no. 3, pp. 283–301.

Schwager, 2009 – Schwager, M. “Speaking of qualities”, *Proceedings of SALT*, 2009, vol. 19, pp. 395–412.

Tichý, 1988 – Tichý, P. *The Foundations of Frege's Logic*. Berlin – New York, De Gruyter, 1988, 303 pp.

Walton, 1990 – Walton, K. *Mimesis as Make-Believe: On the Foundations of the Representational Arts*. Cambridge: Harvard University Press, 1990, 480 pp.

Wittgenstein, L. *Logiko-filosofskii traktat* [Tractatus Logico-Philosophicus], trans. by S. Dobronravov, D.G. Lakhuti. Moscow: Kanon+ ROOI “Reabilitatsiya”, 2017, 288 pp. (Trans. into Russian)